

После обеда, когда в детском саду закончились занятия, забирать Фэйфэя, как обычно, приехал Линь Цзинли.

Вчерашняя похвала, которую Фэйфэй получил за свой рисунок «Семейный портрет», вдохновила малыша, и сегодня на уроке рисования он с усердием создал новую картину.

На этот раз это был одиночный портрет. На одном листе бумаги — один человек. Поскольку фигурка на рисунке стала больше, в ней появилось множество мелких деталей, которых не было на первом портрете, что свидетельствовало о невероятной наблюдательности Фэйфэя.

Однако теперь, в отличие от вчерашнего дня, когда все были вместе на одном листе, и никто не был забыт, одиночные портреты предполагали определённую последовательность.

Фэйфэй немного поколебался, размышляя, кого же нарисовать первым. Посидев немного на стульчике, малыш принял решение, взял восковой мелок и принялся рисовать старшего дедушку, Линь Госюн.

Когда они вернулись домой, Линь Госюн, не скрывая своей радости, с гордостью рассматривал рисунок. Линь Гошэн отвёл взгляд и с нотками удивления и ревности в голосе спросил у малыша:

— Фэйфэй, почему ты решил сначала нарисовать старшего дедушку?

Он-то был уверен, что в сердце Фэйфэя занимает место как минимум наравне с Линь Сынянем, и уж точно выше, чем у Линь Госюна, который даже не был его родным дедом. Но, к его полному изумлению, первый одиночный портрет малыш посвятил именно ему!

И не только Линь Гошэн был удивлён. Третий дедушка, Линь Гохун, тоже был поражён. Он считал, что в сердце Фэйфэя занимает место если не выше родного деда, то уж точно наравне со старшим братом.

Неужели он заблуждался? Или у Фэйфэя просто иные эстетические предпочтения, и суровое выражение лица и властная аура Линь Госюна, способные довести до слёз любого другого ребёнка, наоборот, кажутся ему особенно привлекательными?

Иначе это было просто нелогично!

Линь Сынянь и Линь Цзинли, стоявшие рядом, из уважения к старшему поколению промолчали, но в их глазах читались те же мысли, что и у Линь Гошэна с Линь Гохуном.

Закончив любоваться рисунком и аккуратно убрав его, Линь Госюн недовольно посмотрел на остальных. Не дожидаясь ответа малыша, он низким голосом произнёс:

— Что это у вас за взгляды? Почему это Фэйфэй не мог нарисовать меня первым?

Хотя он и сам был удивлён, что стал первым, кому Фэйфэй посвятил портрет, радости в нём было гораздо больше. Изумление — это одно, но удивлённые взгляды остальных членов семьи заставили его почувствовать себя неудобно.

— Фэйфэй, скажи, ты ведь нарисовал старшего дедушку, потому что любишь его? — спросил Линь Госюн, обращаясь напрямую к малышу и игнорируя остальных.

Малыш кивнул. Конечно, он любил старшего дедушку. Но, заметив, что его кивок, кажется, немного расстроил остальных, Фэйфэй инстинктивно решил объясниться.

— Сегодня в детском саду учительница вела у Фэйфэя урок. Учительница учила детей уважать старших и любить младших.

С этими словами малыш убрал руки за спину, выпрямился и, напустив на себя серьёзный вид, принялся пересказывать урок.

— Уважать старших и любить младших — это значит, что мы должны уважать тех, кто старше нас, и заботиться о тех, кто младше.

«Любить младших» в семье Линь было неактуально — Фэйфэй и сам был самым младшим. А вот «уважать старших» — вполне.

Поэтому на следующем уроке рисования малыш, применяя полученные знания на практике, принялся загибать пальчики, подсчитывая, кто же в семье самый старший.

Фэйфэй — самый младший. Братик — второй по младшинству. Потом папа, крёстный и дядя. Папа и крёстный — младшие братья, дядя — старший. Старший дедушка — старший брат, а дедушка и третий дедушка — младшие. Бабушка — ровесница дедушки.

Значит, старший дедушка — самый-самый старший во всей семье. Вот и нужно нарисовать его первым. В знак уважения к старшим.

— Так значит, Фэйфэй рисует по старшинству? — с надеждой в голосе спросил Линь Гохун.

— Угу, — кивнул Фэйфэй и, чтобы успокоить его, потянул за руку. — Третий дедушка, не волнуйся, Фэйфэй нарисует дедушку и бабушку, а потом сразу тебя. У Фэйфэя ручки маленькие, он рисует медленно, только по одному рисунку за раз.

Эти слова были такими трогательными, что Линь Гохун тут же растроганно закивал:

— Фэйфэй, не торопись, рисуй потихоньку. Хочется — рисуй, не хочется — не надо.

Интерес ребёнка важнее всего. Им нравились рисунки, потому что в них была вложена душа Фэйфэя. Но превращать детский порыв в обязательное задание — значит, всё испортить.

Остальные члены семьи, ещё не получившие своих портретов, включая Линь Госюн, согласно закивали.

— Да, Фэйфэй, не торопись. Рисуй, когда захочешь, а если устанешь — не рисуй.

— Хорошо, Фэйфэй понял. Фэйфэй не устал, — улыбаясь, ответил малыш, покачивая рукой третьего дедушки.

Рисовать по одному портрету в день, да ещё и самых любимых родных — разве это может надоест?

В последующие дни все по очереди получили свои эксклюзивные портреты от Фэйфэя. Каждый бережно вставил рисунок в рамку и повесил в своей комнате.

Постепенно Фэйфэй привык к детскому саду и понял, что ходить туда не так уж и страшно. Малыш воспринимал это так, будто папа каждое утро отвозит его поиграть с друзьями на целый день, а когда он устаёт и начинает скучать, папа снова приезжает и забирает его домой.

Линь Сынянь, видя это, тоже понемногу успокоился и перестал целыми днями сидеть в детском саду, наблюдая за сыном.

Однако в последние дни Фэйфэй заметил, что папа иногда бывает чем-то расстроен. Не то чтобы он грустил или испытывал сильные негативные эмоции, но его необъяснимая подавленность была заметна даже Фэйфэю.

Вечером, играя с вернувшимся из школы Линь Ханем в паровозики, Фэйфэй вдруг растерянно спросил:

— Братик, что делать, если папа не в духе? Как Фэйфэю его развеселить?

Фэйфэй, как мифический зверь, мог дарить людям радость и вытаскивать их из пучины отчаяния. Но это не означало, что исцелённый им человек превращался в бездумного простака, который смеётся и когда весело, и когда грустно, и даже когда плачет от счастья.

Иначе это было бы просто заменой одной крайности на другую.

Способность Фэйфэя заключалась в исцелении эмоций. Она дарила тем, кто утратил радость или погряз в печали, свободу смеяться, когда хочется смеяться, и плакать, когда хочется плакать.

Человек рождён для радости, но его эмоциональный мир должен быть многогранен, как распутившийся цветок.

«Ничего подобного, дядя вполне себе весёлый», — хотел было сказать Линь Хань, но, взяв в руки паровозик, вдруг замер. Он вспомнил, как дядя всегда смотрел на него, когда Фэйфэй делился с ним сладостями, и неуверенно предположил:

— Наверное, он... ревнует?

Фэйфэй нахмурил бровки.

— Ревнует — это как уксус? Кисло? Папа такой, потому что ему кисло?

Линь Хань кивнул. Если понимать буквально, то, в общем-то, Фэйфэй был прав.

С тех пор как эта мысль пришла ему в голову, Линь Хань всё больше убеждался в своей правоте. Поставив себя на место дяди, он представил: Фэйфэй раздаёт конфеты всем, горстями, а ему, если сам не попросишь, даже фантика не видать.

Как тут не расстроиться и не почувствовать себя уязвлённым.

Кто колокольчик привязал, тот пусть его и отвязывает. Линь Хань посмотрел на Фэйфэя и решил немного наставить малыша на путь истинный. Он сел ровнее и сказал на понятном для Фэйфэя языке:

— Дядя расстроился, потому что ты никогда не даёшь ему конфет. Попробуй угостить его, может, он и повеселеет.

Фэйфэй, казалось, всё понял. На его пухлом личике отразилось чувство вины.

— Папа расстроился из-за Фэйфэя? Фэйфэй понял.

Сказав это, он поднялся с ковра. С помощью Линь Ханя он снял с антикварной полки снова наполненную стеклянную банку с конфетами и, обняв её, потопал наверх. Линь Хань, испугавшись, что малыш упадёт, поспешил за ним, осторожно придерживая его на лестнице.

— Папа, — Фэйфэй с трудом придерживал банку одной рукой, а другой пытался открыть дверь в их с Линь Сынянем спальню.

Линь Сынянь, увидев, как малыш несёт такую огромную стеклянную банку, испугался, что тот уронит её и порежется осколками. Он тут же бросился к нему, чтобы забрать банку.

Но Фэйфэй покачал головой и продолжил крепко прижимать её к себе. Когда Линь Сынянь с недоумением убрал руки, малыш двумя ручками протянул ему банку.

— Папа, это тебе. Не грусти больше, и не сердись на Фэйфэя, хорошо?

Если этого мало, подумал Фэйфэй, у него в рюкзачке и кармашках есть ещё. Их тоже можно отдать папе.

Линь Сынянь замер. Он поднял малыша вместе с банкой, погладил его по голове и мягко сказал:

— Кто тебе сказал, что папа не в духе? — он посмотрел в ясные, как родниковая вода, глаза сына. — Разве папа может сердиться на Фэйфэя? Папа просто в последние дни о кое-чём думал.

Услышав, что папа на него не сердится, Фэйфэй наконец расслабился.

— О чём думал папа?

— Папа думал о том, что как Фэйфэй впервые стал маленьким мальчиком, так и папа впервые стал папой. Иногда папе может казаться, что он всё делает правильно, но всегда найдутся вещи, которые он упускает, — говоря это, Линь Сынянь посмотрел прямо в глаза сыну. — Поэтому, если папа вдруг сделает что-то не так и расстроит Фэйфэя, Фэйфэй должен сразу сказать об этом папе, не держи в себе. Как только Фэйфэй скажет, папа исправится. Потому что папа тоже учится, он очень хочет стать хорошим папой.

Да, сначала Линь Сынянь подозревал, что кто-то наговаривает Фэйфэю на него. Но после нескольких дней наблюдений он понял, что это не так. И тогда, поразмыслив, он начал искать причину в себе — может быть, он сам, того не замечая, сделал что-то не так и обидел сына.

Так, после поисков виноватых, Линь Сынянь перешёл к самоанализу.

От этих проникновенных слов глаза малыша наполнились слезами. Он крепко обнял папу за шею и принялся мотать головой.

— Папа — хороший папа! Фэйфэй не расстраивался! Фэйфэй больше всех любит папу!

— Тогда почему у всех есть конфеты и острые утиные шейки, а у папы ничего нет? — вдруг спросил Линь Сынянь.

Маленькая головка Фэйфэя ещё не успела ничего сообразить, и он, продолжая обнимать отца за шею, инстинктивно ответил:

— Всем грустно, и Фэйфэй хочет их конфетами развеселить. А папа весёлый, ему не нужно.

Линь Сынянь посмотрел на Фэйфэя, потом на огромную банку с конфетами в своих руках и вдруг замолчал.

<http://bllate.org/book/13654/1591192>